

Никитин Алексей Владимирович

ВОПРОС О ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДИСКУССИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА

В статье исследуется вопрос о гласности судопроизводства Русской православной церкви, неоднократно рассматривавшийся различными экспертными органами в ходе подготовки духовно-судебной реформы в течение второй половины XIX - первых десятилетий XX века. Иллюстрируются основные подходы к проблеме, показано их конкурентное взаимодействие в ходе дискуссий. Автор прослеживает постепенный отход от первоначальных либеральных инициатив и итоговое возвращение к ним.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 153-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дисс. ... д. юрид. н. Томск, 2013. 357 с.
2. Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... к. юрид. н. М., 2006. 196 с.
3. Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1963. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. 510 с.
4. Чернова М. Б. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ): дисс. ... к. юрид. н. СПб., 2006. 226 с.

ACTIVE REPENTANCE AS A FORM OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY ACCORDING TO PRE-REVOLUTIONARY LEGISLATION

Molotilkin Sergei Vital'evich
Katanov Khakass State University
okmsvzo@yandex.ru

The article deals with active repentance as one of the forms of exemption from criminal liability according to pre-revolutionary legislation. The author analyzes the components of crimes, for which it was possible to release from criminal liability when the guilty person showed the signs of active repentance. In pre-revolutionary legislation active repentance was expressed either in the expression of negative attitude towards the completed offence or in giving oneself up or in the redress of wrong caused by the crime.

Key words and phrases: active repentance; exemption from punishment; exemption from criminal liability; positive post-criminal actions; mitigation of provided punishment.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье исследуется вопрос о гласности судопроизводства Русской православной церкви, неоднократно рассматривавшийся различными экспертными органами в ходе подготовки духовно-судебной реформы в течение второй половины XIX – первых десятилетий XX века. Иллюстрируются основные подходы к проблеме, показано их конкурентное взаимодействие в ходе дискуссий. Автор прослеживает постепенный отход от первоначальных либеральных инициатив и итоговое возвращение к ним.

Ключевые слова и фразы: гласность; духовно-судебная реформа; Комитет архиепископа Макария; Предсоборное присутствие; Поместный Собор 1917-1918 гг.; церковный суд.

Никитин Алексей Владимирович

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
qwerty0009992011@yandex.ru

ВОПРОС О ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДИСКУССИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА[©]

Начиная с 1860-х гг., в Российской империи приобрел актуальность вопрос реформы церковного суда. Не затронутое реформой 1864 г., духовное судопроизводство оставалось архаичным и неэффективным. В течение всего пореформенного периода предпринимались попытки его реформирования, не шедшие, впрочем, далее составления различными экспертными органами своих проектов [1, с. 95-193].

Среди многочисленных процедурных аспектов грядущей реформы важное место занимал вопрос о гласности. Здесь необходимо терминологическое уточнение, поскольку гласность, согласно постулатам юридической науки, можно понимать двояко. Общая гласность означает право всех желающих присутствовать на судебных заседаниях; данный вид гласности можно без ущерба для смысла обозначить термином «публичность». Гласность сторон позволяет присутствовать в суде непосредственным участникам процесса. По авторитетному мнению Е. В. Васьковского, принцип гласности сторон непосредственно связан с другими основополагающими принципами судопроизводства, такими как непосредственность, устность, состязательность и равноправность, а потому «имеет безусловное значение и не терпит никаких изъятий». В то же время, публичность, «наоборот, не вытекает из других принципов процесса, не является даже необходимой спутницей гласности для сторон, а представляет собою совершенно самостоятельный принцип, нуждающийся в специальном рассмотрении и обосновании» [2, с. 449-450]. На протяжении всего периода подготовки духовно-судебной реформы в дискуссиях обычно употреблялся термин «гласность», но, поскольку обычно имелась в виду именно гласность общая, то в работе будет также использоваться синонимичное понятие «публичность». Что касается принципа гласности сторон, то он, в силу своей несомненности, всегда без особых споров включался в итоговые документы почти всех экспертных органов.

Комитет архиепископа Макария, функционировавший в 1870-1873 гг., обсуждал проблему публичности на своем десятом заседании. Протоиерей П. Г. Лебединцев предостерегал от введения этого принципа, ссылаясь

на неизбежное падение престижа представителей духовного ведомства. Правда, он допускал «неполную гласность, ограниченную известным классом допускаемых к судебному разбирательству лиц»: например, на слушании дел по жалобам клириков друг на друга могут присутствовать духовные лица и т.д. Также он сослался на практикующийся в военном ведомстве «суд товарищей-офицеров, суд совершенно закрытый, семейный». Это был крайне слабый аргумент: офицерские суды чести разбирали весьма узкий круг дел и были обособлены от общей военно-судебной системы, в которой с 1867 года реализовывался именно принцип публичности заседаний [3, ст. 67]. Оппоненты П. Г. Лебединцева не замедлили указать ему на это противоречие в аргументации. В пользу публичности были выдвинуты несколько веских доводов. Во-первых, обновленному суду необходимо будет общественное доверие, которое можно завоевать, только следуя указанному принципу; во-вторых, внимание общественности к духовно-судебным делам будет мотивировать судей работать качественнее, а священно-церковнослужителей – не совершать предосудительных поступков. К концу заседания протоиерей Лебединцев признал правоту оппонентов, и принцип гласности был одобрен единогласно [4, с. 3-5]. В итоговом проекте были зафиксировано: «Судебные заседания для решения дел происходят публично. Слушания, в которых к сим заседаниям не должны быть допускаемы лица посторонние, определяются в законе. Каждое решение духовного суда, состоявшееся публично, может быть напечатано и обсуждаемо, на основании общих, действующих в государстве, постановлений» [8, ст. 44-45].

Составленный Комитетом проект далее подвергся жесткой критике епископов и был, таким образом, заблокирован [9, с. 558-559]. Однако основные возражения были высказаны по поводу вопроса о полномочиях архиереев в новом суде, которые предполагалось существенно сократить. По вопросам судопроизводства вообще и публичности заседаний в частности мнения разделились.

Некоторые преосвященные высказывали принципиальные возражения. Архиепископ Вятский Аполлос (Беляев) приводил аналогии из Писания: «Хам со своим потомством подвергся проклятию за бесстыжий взгляд на наготу отца своего, так и христианское общество получит не пользу, а вред от разоблачения пред ним немощей и недостатков духовных отцов своих» [6, с. 45]. Интересно, что негодование пастыря вызывала не столько перспектива присутствия публики на судебном заседании, сколько формирование у общества целостного представления о работе духовно-судебного ведомства: «Из отчетов видно будет, сколько духовных лиц судилось за пьянство, сколько за ссоры и обиды, сколько за распутство, сколько за лихоимство и т.д. <...> Эти сведения будут драгоценным материалом и орудием для врагов духовенства и святой Церкви. Им не нужно уже будет самим собирать по крупицам сведения о количестве и качестве проступков и преступлений духовных лиц» [Там же, с. 48].

Другие преосвященные, высказывавшиеся о публичности, придерживались компромиссной позиции. По мнению епископа Макария (Мирослобова), гласность допустима, но «не такая, какая в гражданских судах, рассуждающая о предметах со всею свободою слова» [Там же, с. 24-25]; по мнению архиепископа Григория (Миткевича) – «не в такой широте» [Там же, с. 92] и т.п. Непосредственно давались в основном две рекомендации: дать право присутствия на заседаниях только представителям православного духовенства и ограничить освещение процессов в печати.

Впрочем, как уже было отмечено, многие епископы вообще обошли эту тему в своих отзывах, сосредоточившись на более важных, по их мнению, вопросах, что де-факто означало одобрение предложенного Комитетом принципа публичности. Редкий случай его аргументированного полного одобрения находим в отзыве епископа Тамбовского Палладия (Раева-Писарева), который, в отличие от своих коллег, поддерживал идею отражения церковных приговоров в материалах прессы как вполне достаточную «поручку от административного произвола» [7, с. 61]. Так за счет этой уступки преосвященный предполагал ослабить позиции реформаторов в более важном вопросе об отделении суда от администрации.

Дискуссия о гласности получила продолжение на заседаниях Предсоборного присутствия (1906 г.). В ходе обсуждения профессор А. И. Алмазов подчеркнул, что церковный суд есть суд ведомственный, а потому, как «обнимающий в своем ведении только известный круг лиц, этот суд не может быть публичным, открытым для всякого, желающего присутствовать при производстве». Канонист выразил опасение, что если дать возможность евреям, магометанам и вообще иноверцам присутствовать на суде, то он обратится «самое меньшее – в одно праздное позорище, чреватое, однако, самыми печальными последствиями для нравственного влияния церкви» [5, с. 262]. Если же ограничить присутствующих лицами православного исповедания, то никакой пользы для правосудия все равно не последует, и результатом будет «только один соблазн верующих, по большей части, совершенно случайными падениями своих пастырей» [Там же, с. 263]. Профессор Н. А. Заозерский в ответ заявил, что он согласился бы с доводами А. И. Алмазова против гласности только в том случае, если бы и преступления, разбираемые церковным судом, совершались тайно, но поскольку они совершаются явно и производят соблазн, необходим гласный суд «не в смысле кары, а в смысле строгой оценки проступка» [Там же, с. 266]. Его поддержал Н. П. Аксаков: «Злоречие на церковь от введения гласного суда... не возрастет, а смирится, ибо явно будет, что виновата не церковь, а отдельные лица, которых судит она и карает, освобождая через то самое себя от их виновности» [Там же, с. 262]. Как видим, аргументация сторон не претерпела за прошедшее время существенных изменений. Изменился расклад сил: Предсоборное присутствие постановило, что заседания должны проводиться за закрытыми дверями.

Эту же позицию заняло впоследствии и Предсоборное совещание. Однако в проекте, вынесенном на обсуждение Поместного Собора 1917-1918 гг., снова декларировался принцип публичности: «В судебных заседаниях присутствуют участвующие в деле лица и их поверенные и защитники, а также посторонние лица, если по особому постановлению суда не признано необходимым рассматривать дело при закрытых дверях. Приговор суда объявляется при открытых дверях» [1, с. 556].

На примере проблемы гласности можно проследить эволюцию проектов духовно-судебной реформы на протяжении всего пореформенного периода истории России. Либеральные инициативы комитета архиепископа Макария сменились более осторожным подходом в начале XX века; однако на Поместном Соборе 1917-1918 гг. состоялось своеобразное возвращение к положениям, выработанным в 1870-х гг.

Список литературы

1. **Белякова Е. В.** Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. 663 с.
2. **Васьковский Е. В.** Курс гражданского процесса. М.: Братья Башмаковы, 1913. Т. 1. 691 с.
3. **Высочайше утвержденный Военно-судебный устав от 15 мая 1867 г.** // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. Собрание II. Т. XLII. Отделение I. № 44575.
4. **Журнал 10 заседаний Комитета** // Материалы Комитета для преобразования духовно-судебной части. СПб., 1870-1872. Т. 1.
5. **Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного присутствия.** СПб., 1907. Т. 3. 324 с.
6. **Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части.** СПб.: Синодальная типография, 1874. Т. 1. 523 с.
7. **Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части.** СПб.: Синодальная типография, 1878. Т. 2. 434 с.
8. **О работах по преобразованию духовно-судебной части:** проект основных положений преобразования духовно-судебной части // Христианское чтение. 1873. № 8. С. 618-651.
9. **Римский С. В.** Российская церковь в эпоху великих реформ. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.

**THE ISSUE OF THE LEGAL PROCEEDINGS PUBLICITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE DISCUSSIONS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE FIRST DECADES OF THE XX CENTURY**

Nikitin Aleksei Vladimirovich

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
qwerty000992011@yandex.ru*

The article deals with the issue of the legal proceedings publicity of Russian Orthodox Church, which was considered repeatedly by various expert bodies during the preparation of the spiritual and judicial reform in the second half of the XIX – the first decades of the XX century. The main approaches to the problem are illustrated, their competitive interaction in the discussions is shown. The author traces gradual departure from original liberal initiatives and final return to them.

Key words and phrases: publicity; spiritual and judicial reform; Committee of Archbishop Macarius; Pre-Council Office; Local Council of 1917-1918; ecclesiastical court.

УДК 7.071.1

Искусствоведение

Статья раскрывает суть общественной деятельности эстонского художника Аугуста Янсена, который начинает свою общественную работу в Таллинне в отделе образования. Он развивает и поддерживает эстонское изобразительное искусство, устраивая выставки по всему Советскому Союзу. Благодаря своей деятельности, он знакомит всех желающих с достижениями эстонского искусства, вносит его в народную среду, повышает его роль как части эстонской национальной культуры. Основное внимание автор акцентирует на критическом отношении современных искусствоведов к деятельности художника и общественного деятеля Аугуста Янсена.

Ключевые слова и фразы: Аугуст Янсен; эстонские художники; революция; общественная деятельность; художественная деятельность; педагогическая деятельность; художественные объединения; пейзаж; эстонский стиль; национальная культура; национальный колорит.

Орлова Наталия Вячеславовна

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
Nat0681@mail.ru*

**АУГУСТ ЯНСЕН: ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ИСКУССТВО ЭСТОНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА ©**

Самым главным в жизни эстонского художника Аугуста Янсена (1881-1957) было творчество. «Возможность творить – это лучшее, что может случиться с человеком. Писать всегда и везде, несмотря ни на что. Это ли не главная радость и не главное счастье для художника!» – именно такими словами Янсен отвечал на вопросы своих многочисленных студентов [8, p. 7, 14].